

Танцовщице Кароле фон Хердер

Как много танца в этом мире шалом!
Танцует все: деревья, дождь и ветер.
И листья опаленные, в опале,
Танцуют осенью, как уличные дети.

Танцуют все торговки на базаре,
В такт холоду чечетку отбивая.
И рыбу на весы они бросают,
Капусту достают из бочкотары.

И это тоже пляска серых будней,
Чей смысл в заботе о насущном хлебе.
А дворник двор метет, сопя простудно,
И море дышит в такт ему, и небо.

Как весел танец пламени на спичке!
Как яростен пожара танец древний!
Все движется на свете по привычке.
Движение — язык наш ежедневный.

А танец — это слово без излишеств.
Танцовщица, чтоб быть всегда собою,
Безудержно свою поэму пишет
Всем телом, всей душою, всей судьбою!

Старинные зеркала

Старинные есть в доме зеркала —
Безмолвные свидетели времен
Иль окна в прошлое, хранят событий клад,
Былое помня, словно долгий сон.

И отблеск Леты в блеске серебра,
И образы былого вдруг со дна
Плывут, и возникает их игра
На глади вод — их вижу я одна.

Концы веков, начала, перелом
Времен — все спуталось в пурге седой зеркал.
Вот капитан хромой, что строил дом.
Он эмигрантом был и уезжал

В Бразилию в семнадцатом с семьей.
А вот рабфаковка — то бабушка моя.
А вот война и год сорок второй,
И чуждой речи лязг и толчея.

Столовая для немцев здесь была.
А вот вернулась бабушка с детьми.
Вот тети смерть покажут зеркала:
Была невестой — и не стало вмиг.

Всю правду знают эти зеркала
И в амальгаме сохранят навек:
Кто был отец твой, кем сама была,
И лучше помнят все, чем человек.

Пожар ли снится нам, веселый бал,
Иль треск в печи зимой сухой сосны —
Быть может, это память тех зеркал
Тревожит нас, вливаясь в наши сны.

* * *

Почтовый ящик мой всегда полон:
Зимою — снега, весной — лепестков белых,
Летом нахожу в нем спелые вишни,
Осенью — влажные пестрые листья — открытки.
Еще нахожу я в нем пух, паутину, перья,
Высохших разных я в нем нахожу насекомых.
А я еще жалею, что мне никто не пишет.

* * *

А декорации все те же:
Вот листья — радужные деньги
Из разных стран, они все реже
Висят — витают словно тени.

Сметают их в большие кучи
И поджигают без сомнений.
Что отрезвляет память лучше,
Чем ароматы тех курений?

И в тех кострах сгорает лето,
И тлеют глупые надежды.
Горят вопросы и ответы,
И как броня к зиме одежды.

* * *

Скифские бабы стоят во дворе
Музейном — невидим их взгляд.
В себя лишь глядят в листопада игре:
То видят, о чем молчат.

Во взглядах их степь без края и слов —
Молчанья святая земля —
Наполнена сонмом отснившихся снов,
Останками корабля.

Там скифский царевич на черном коне,
А море ревет и ревет
Он мира не знал, он всегда на войне,
Но песнь о любви он поет.

И бабы богинями древней любви
Стоят, как праматери всех.
И влажные листья ложатся на них,
Как золота радость и грех.

Что-то иное всегда ощущается нами
В зале ли полном, в толпе ли и в дел карусели.
Где-то запахнет осенними резко цветами,
Дымом запахнет горчайшим, и вот мы у цели,
Вот мы у выхода: небо оттенков агата
Там, где иное, как дым над землей, без предела.
И там, где вечер нальет нам в стаканы заката,
И где другим никакого до нас уже дела.

Что-то иное я вижу в тебе полупьяном
И сквернословие — твои небеса и деревья.
И одинокие лодки, что скрыты бурьяном,
И одинокого ливня слепое кочевье...

* * *

Это не листья уносятся ветром, а люди.
Люди как листья: и старые, и молодые.
Ветер уносит эпохи и ворохи судеб,
Лишь остаются дома и деревья седые.

Лишь остаются деревья — свидетели буден.
Только деревья так стары и молоды разом.
Знают, что было, что есть, и предвидят, что будет,
В небо вращая ветвями по неба наказу.

Люди уходят — внезапно срываются с веток.
Жизнь — это лишь черенок, что от ветра трепещет.
Люди целуют, страдают и просят советов —
Миг — и уходят, оставив лишь фото и вещи.

Все же зачем-то нужны наши судьбы и встречи,
Жизни нужны, даже если лишь миг мы прожили
Здесь на Земле. Здесь нужны наши души и речи,
Наши тела — крепость мускулов и сухожилий.